

Пушкинские переводы сербохорватских народных песен.

В в е д е н и е.

Сербохорватские народные песни переводились в конце 18 и в начале 19 ст. почти на все главнейшие европейские языки. На них обратили внимание величайшие поэты и писатели эпохи романтизма, как Гете, Мицкевич, Пушкин, Челаковский, Мериме, Нодье и др. Имеется целый ряд исследований о путях, которыми эти песни вошли в литературы европейских народов. Подробнее всего исследовано их проникновение в немецкую, польскую и французскую литературы, но имеется ряд статей и исследований, в которых показывается, как сербохорватская народная песня проникла в литературы английскую, чешскую, украинскую и итальянскую. Менее всего известно, поскольку ими интересовались русские, переводя их на русский язык. Пополнить хотя бы в некоторой степени этот пробел является задачей работы «Сербохорватская народная песня в русской литературе», которую мы надеемся в ближайшем времени напечатать в другом месте. Здесь мы ограничимся только Пушкинскими переводами трех песен с сербохорватского языка, оставляя в стороне переводы из «Гузлы» Мериме. О причинах, возбуждавших у Пушкина интерес к сербам и к их народным песням, мы напечатать в одном из ближайших номеров этого же журнала особую статью.

*

Интерес Пушкина к сербскому народу и к его народным песням обнаруживается в стихотворении «Дочери Карагеоргия», в отрывке «Осердился Георгий Петрович»¹⁾ и в цикле «Песни западных славян». Первоначально этот цикл состоял только из 16 песен, позже Анненков нашел в бумагах Пушкина перевод первых 13 стихов, а впоследствии Шляпкин перевод дальнейших 13 стихов песни «Что белеет на горе зеленой (Жалостна песна племените Асан-агинице), которая была включена в цикл как 17-ая.

¹⁾ См. А. С. Пушкин, т. II, 1931, стр. 261.

Как известно, Пушкин перевел свободно, не придерживаясь строго подлинника 11 песен этого цикла из известной подделки Проспера Мериме «*La Guzla ou choix de poésies illyriques recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine*». Strassbourg 1827, 3 песни непосредственно с сербохорватского а 3 песни составил самостоятельно. Относительно одной из последних (Яныш Королевич) существует, правда, еще до сих пор надежда найти все же ее источник²⁾, но скорее нужно думать, что и эта песня принадлежит к самостоятельным произведениям Пушкина, подобно двум остальным («Песня о Георгие Черном» и «Воевода Милош»), о принадлежности которых Пушкину нет никакого сомнения. Пушкин написал две последние песни под влиянием книжного материала («Жизнь и подвиги Милана Обреновича»), а также под влиянием сообщений сербских эмигрантов, с которыми он встречался в Кишеневе³⁾, точно также как и стихотворение «Дочери Карагеоргия» и набросок «Осердился Георгий Петрович».

В огромной литературе о Пушкине и его произведениях не имеется однако ни одной более или менее обстоятельной работы, в которой бы подробнее рассматривался интерес Пушкина к сербскому народу и сербской народной песни. На «Песнях западных славян», являющихся результатом этого интереса Пушкина, впервые остановился вышеупомянутый П. В. Анненков в своей работе «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (1855, С. П. Б.) Высказанные здесь взгляды автора являются главным источником и руководством для всех последующих исследователей. В связи с празднованием столетия рождения Пушкина, когда многих стал занимать вопрос об отношении Пушкина к славянам, появился целый ряд исследований и статей, касающихся и этого вопроса. Но в подробное исследование отношения Пушкина к славянам и в частности к сербам никто не углублялся. Ограничимся указанием на главные из работ: П. Кулаковский, Славянские мотивы в творчестве Пушкина, Варшава 1899; П. Лавров, Пушкин и Славяне. Сборн. Пушкинские дни в Одессе, стр. 123–150, 1900 (по болгарски: Български прегледъ, г. VI, 1900, стр. 158–179); А. И. Степович, Пушкин и Славяне, Киев, 1900; И. Шрепел, *Puškin i hrvatska književnost*, Загреб, 1899. Мало нового мы находим и в статье А. Сиротинина: Пушкин и славяне, *Истор. Вестн.* 1909, кн. 2, стр. 590–611. Все, что

²⁾ См. V. Francev: *Domněle česká píseň v překladě Puškinově*. *Český Lid*, 25, str. 9–12.

³⁾ См. Трубицын: Два сербских юнака в изображении Пушкина. Пушкин и его современники. Вып. XXVIII, 1917, стр. 29–55.

было написано о «Песнях западных славян» до 1909 года, собрал А. Яцимирский в издании: Пушкин, под ред. Венгерова, Т. III, СПб, 1909. Весьма интересные выводы о генезисе и стихе «Песен западных славян» мы находим в книге Б. Томашевского «О стихе», Петроград, 1929. Ряд статей С. Штейна: «Пушкин и српство», Време, 23 мая 1931; «Пушкинове словенске студије», Русск. Архив, XIV—XV, 1931, стр. 94—104, неполный список книг Пушкинской библиотеки, касающихся Славянства, составленный на основании каталога Модзалевского «Библиотека Пушкина», СПб, 1910, «Пушкин, Мериме и «Песме западных Словена», Русск. Архив, XVI—XVII, 1932, стр. 96—112, касаются главным образом переводов из «Guzly», но многие из взглядов Штейпа не выдерживают научной критики.

I.

Прежде чем приступить к подробному разбору упомянутых трех переводов Пушкина с сербохорватского языка, «Соловей», «Сестра и братья» и «Что белеет на горе зеленой», мы должны установить, с каких оригиналов Пушкин переводил. Небезинтересно привести мнения и заключения выдающихся пушкинистов по этому вопросу. Морозов говорит по этому поводу следующее: «Заинтересовавшись славянской народной поэзией по книжке Мериме, Пушкин, однако же, не ограничился одним только этим сборником и обратился к изучению сербских песен в подлиннике, по изданию Вука Караджича: «Мала простонародња србска песнарица» (Вена, 1814). Из этого сборника наш поэт познакомился с стихотворным размером сербских народных былин и перевел две песни: «Брат и сестра»(!) и «Соловей» целиком, а третью — об Асан агинице — только начал переводить». ¹⁾ Известно, что Пушкин уже во время своего пребывания в Кишиневе записывал себе сербские народные песни ²⁾ и интересовался ими. Следовательно, утверждение Морозова, будто бы Пушкин стал интересоваться сербскими песнями только под влиянием книги Мериме, неосновательно. В особенности неправильно утверждение Морозова, что Пушкин переводил упомянутые песни из песенника Караджича 1814 г. Это утверждение Морозова свидетельствует о том, что *он вообще не имел в руках этого первого издания сборника песен* и что, следовательно, не мог сравнить переводов Пушкина

¹⁾ Сочинения и письма А. С. Пушкина. Т. II. СПб, 1903, стр. 573.

²⁾ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. Русск. Арх., IV (1866), Москва, столб. 1261.

с сербскими подлинниками. Песня «Бог ником дужан не остаје», которую Пушкин перевел под заглавием «Сестра и братья», в первом издании сборника Вука Караджича не имеется и была напечатана только в издании народных сербских песен Караджича 1824 г., так что Пушкин мог ее перевести только из этого издания сборника.

Также вторую песню: «Соловей», которая находится и в первом и во втором издании сербских народных песен Караджича, перевел Пушкин *из второго издания*, где она находится под заглавием «Три највеће туге». Это подтверждает сербское четверостишие песни, которое Пушкин списал собственноручно с сербского подлинника. В первом издании начало этой песни напечатано в следующем виде:

»Славуј птица мала
Сваком покој дала,
А мени јунаку
Три туге задала:
Прва ми е туга
На срдашцу моме,
Што ме ни е майка
Оженила млада«.

Во втором издании сборника эта строфа из восьми строк напечатана в виде четверостишия:

»Славуј птица мала сваком покој дала,
А мени јунаку три туге задала:
Прва ми је туга на срдашцу моме,
Што ме није мајка оженила млада«.

У Пушкина мы имеем именно это четверостишие, только с незначительными отступлениями:

Славуј птица мала свакомъ покој дала
А мени јунаку три туге задала
Прва ми је туга на срдашцу моме
Што ме н и је мајка оженила млада«. ¹⁾

Как видно из формы стиха а равно из графики (в первом издании -й, во втором издании и у Пушкина -ј; в первом издании -е, во втором издании и у Пушкина -је), Пушкин списал эти стихи из второго издания. В пользу утверждения, что Пушкин перевел песню «Соловей» из второго издания, говорит еще и то, что именно это второе издание сборника сербских народных песен Караджича имелось в библиотеке Пушкина, между тем как первого издания в ней не было. ²⁾

¹⁾ А. К. Виноградов: Мериме в письмах к Соболевскому. Москва, 1928, стр. 238.

²⁾ Б. Л. Модзалевский: Библиотека А. С. Пушкина. СПб, 1910.

Рукопись Пушкинского перевода песни «Соловей», а именно стихи 14—23 и 1—4 и список начальных стихов сербской песни «Три највеће туге» впервые опубликовал В. Е. Якушкин в Русской Старине (XLVIII, 1884, сентябрь, стр. 648-9); но Якушкин напечатал списанные Пушкиным сербские стихи с некоторыми изменениями:

»Славіј птица мала с в а к о м њ по кој дала,
А мене јунаку туге је задала
Прва ми је туга на срдашцу моме
Што ме ни је мајка оженила млада«.

Это четверостишие, а также неполный перевод песни опубликовал Якушкин с рукописей Пушкина, находящихся в Румянцевском музее № 2375, на листе 18/2 и 35/1, следовательно, он имел перед собой ту же самую рукопись, факсимиле которой напечатал Виноградов. Таким образом Якушкин не совсем точно воспроизвел рукопись. В рукописи Пушкина слово «Славуј» написано не совсем отчетливо, так что его можно читать: славој, славіј или славуј, но Якушкин без всякого примечания напечатал «Славіј», хотя точки над соответствующей буквой не имеется. Далее, в конце первого и четвертого стиха у Пушкина нет точки, у Якушкина имеется. Еще более значительныя изменения обнаруживаются во втором стихе:

у Пушкина: «А мени јунаку три туге задала»,
у Якушкина: «А мене јунаку туге је задала».

Таким образом сравнение Пушкинской рукописи с воспроизведением ее Якушкиным свидетельствует о том, что Якушкин обращался с рукописным текстом довольно небрежно.

Также и упомянутый выше П. О. Морозов опубликовал это сербское четверостишие с изменениями:

»Славіј птица мала сваком покој дала,
А мене јунаку туге је задала:
Прва ми је туга на срдашцу моме,
Што мене је мајка оженила млада«.

Уже сразу видно, что Морозов не имел в руках рукописи Пушкина, а удовлетворился тем, что напечатал Якушкин. Кроме того, Морозов сам внес новые изменения: в первом стихе пропустил в слове «свакомъ» твердый знак а в конце стиха поставил запятую, в конце второго стиха поставил двоеточие, в конце третьего опять запятую, а в четвертом стихе изменяет текст, так что получается другой смысл. Вместо «што ме није» у Пушкина и Якушкина, Морозов напечатал «што мене је», вследствие чего отрицательное

предложение получает смысл предложения утвердительного. Интересно отметить, что у Пушкина отрицание «није» подчеркнуто а у Якушкина напечатано в разбивку. Кто подчеркнул в рукописи это слово — Пушкин ли или кто-нибудь другой — из факсимиле установить трудно. Следует упомянуть, что Морозов вообще любил по своему усмотрению изменять текст Пушкина, как это особенно показывает отрывок «Что белеет на горе зеленой», который он своевольно в значительной степени изменил.¹⁾

Сравнение факсимиле рукописи Пушкина в издании Виноградова со стихами, опубликованными Якушкиным и Морозовым, было необходимым и важным для самого Пушкинского перевода песни «Три највеће туге». Между переводом Пушкина и подлинником сербской песни есть основное различие в содержании. Сербский стих: «Што ме није мајка оженила млада» Пушкин перевел: «рано молодца женили». Таким образом отрицательное предложение — что меня молодым, т. е. рано не женили, Пушкин заменил предложением положительным — что рано женили. Этот загадочный факт пытались объяснить Кулаковский²⁾, Яцимирский³⁾ и др., при чем ссылались на Пушкинское сербское четверостишие в том виде, как его опубликовал Морозов. На основании этого текста Пушкина в редакции Морозова они пришли к заключению, что Пушкин плохо прочитал и списал начальные стихи упомянутой сербской песни. По их мнению, Пушкина ввел в заблуждение печатный текст этой песни в сборнике Караджича в первом издании 1814 г., т. е. до реформы сербского правописания. В указанном сборнике этот стих напечатан в следующем виде:

»Што ме ни е майка
Оженила млада«.

Можно было бы допустить, что не знающий сербского языка мог бы плохо понять этот стих, т. е. вместо «ме није» мог бы написать «мене је». Но о Пушкине этого нельзя сказать. Факсимиле, изданное Виноградовым, ясно свидетельствует о том, что Пушкин правильно списал соответствующие стихи, а именно из второго издания сборника Караджича 1824 г. и что, следовательно, причину этого существенного изменения смысла следует искать в чем-то другом.

¹⁾ Ср. текст этого отрывка в издании Морозова с текстом опубликованным И. А. Шляпкиным: Из неизд. бум. Пушк., стр. 32—33.

²⁾ Славянские мотивы, стр. 7—8.

³⁾ Пушкин, т. III, стр. 394.

В русской народной поэзии мы часто встречаемся с жалобами молодца и в особенности красной девицы на раннюю женитбу, возможно, что и в данном случае Пушкин хотел приблизиться к народной песни. Может быть также, можно было бы найти объяснение этому факту в настроении Пушкина в то время, когда он переводил сербскую песню, т. е. во всяком случае незадолго до 1833 г., вскоре после брака с Наталией Гончаровой. Если, с одной стороны, Пушкин тосковал по спокойной семейной жизни до брака, то с другой стороны — вскоре после брака почувствовал всю его тяжесть. Раньше свободный и беззаботный, жил он только для себя, для своей поэзии и своих друзей, теперь должен был заботиться о жене и семье и силы, которые он раньше отдавал творчеству, должен был тратить на повседневные хлопоты, на добывание денег. Можно себе представить, как тяжело было у него на душе, когда он писал П. В. Нащокину 23 февраля 1833 г.: »Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде; все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения«¹⁾.

В таком расположении духа Пушкин читал и переводил песню »Три највеће туге«. Обыкновенная, простая народная песня, полная горя молодого человека, могла быть отражением и душевного состояния Пушкина, но нуждалась в некотором изменении. Пушкин не печалился о том, что его рано не женили, но скорее о том, что он рано женился. Соловей ночью свободно поет песни, как ему сердце говорит, в то время как он, составляя свои песни, должен был думать о деньгах, а не о любимой женщине, как раньше. Отсюда и это изменение третьей печали: »Красивую девушку разлучили со мною злые люди«. Когда Пушкин женился, пришел конец его любовным ухаживаниям, любовным похождениям его молодости. Пушкин вложил в эту песню столько тепла, столько типически пушкинского темперамента, как ни в один другой перевод. В немногих стихотворениях, написанных в это время, можно почувствовать настроение Пушкина *в такой степени, как из этого перевода сербской песни*. С изменениями Пушкина песня ничего не потеряла, напротив, стала еще более совершенной. Более понятно, когда юноша печалится о том, что его слишком рано женили, чем о том, что его рано не женили. Также

¹⁾ Ср. Сочинения А. С. Пушкина, 4-ое изд. Ф. Павленкова, т. X, Спб, стр. 150.

и третья «туга»: «што се моя драга на ме расрдила» более понятна и логична при этом изменении: рассердилась потому, что юноша не на ней женился, а на другой. У Пушкина было слишком глубокое чувство и понимание народной песни, чтобы он мог не заметить эту непоследовательность.

Также и при переводе отрывка «Что белеет на горе зеленой» Пушкин *пользовался не первым изданием сборника Караджича 1814 г.* — во втором издании сборника 1824 г. песни «Ассан агиница» не имеется —, а *описанием путешествия по Далмации Фортиса, изданным во французском переводе в Берне в 1778 г.*, которое находилось в его библиотеке. Доказательства этому утверждению приведем ниже при разборе Пушкинского перевода этой песни.

Для того чтоб оценить Пушкина как переводчика, необходимо сравнить его переводы с сербскими подлинниками.

Соловей.

II.

Пушкинский перевод этой песни совершенно вольный, так что правильнее было бы назвать его «перепевом» или «парафразой». «Несмотря на то, что переводная, говорит П. Шейн¹⁾, она вся передана таким чисто-русским песенным складом, что легко можно принять ее за оригинально-русскую». Стих сербской песни в первом издании сборника Караджича, как выше было упомянуто, шестистопный (шестислоговый); во втором издании Караджич соединил два стиха в один, так что один стих состоит из 12 слогов. Стих Пушкинского перевода имеет 8 слогов и является, как и стих сербского подлинника хореическим.²⁾

Как было выше указано, Пушкин изменил название сербской песни «Три највеће туге» — три большие печали — в название «Соловей». Заглавие песни в сборнике Караджича более соответствует содержанию песни, чем заглавие, придуманное Пушкиным. Это подтверждается и примечанием Караджича во втором издании его сборника, где он говорит, что имеются варианты песни, в которых вместо двух первых стихов поют:

Мрак на земљу паде, сваком покој даде,
А мени јунаку три туге зададе.

¹⁾ «Народная песня и Пушкин». Ежемесячные сочинения. Лит. журнал Г. Ясинского. СПб, 1900, стр. 104. В этой статье автор касается только элементов русской народной песни в поэзии Пушкина. «Песен западных славян» он подробно не исследует.

²⁾ О стихе переводов Пушкина из сербохорватского см. С. Томашевский: «О стихе», стр. 63—76.

Таким образом о соловье здесь совсем не упоминается. Пушкин так озаглавил свое стихотворение очевидно потому, что народная песня очень любит эту птицу. Сербская народная песня называет соловья «птица мала». Пушкин к этому прибавил очевидно только ради размера «лесная» (в первоначальном черновике «ночная», что повидимому отвечало бы варианту, приводимому Караджичем в примечании, «мрак на земљу паде»). Слово «јунак» правильно передано Пушкиным «молодец». Пушкин не употребил здесь выражения «юноша», т. е. близкого к первоначальному значению старославянского «юн», «юнота», «юнак» — *Jüngling* ¹⁾, как немецкая переводчица *сербской песни* Тальви, передавшая сербское «јунак» немецким «*Jüngling*» ²⁾. «Молодец» употребляется только в народной песне и народных сказаниях и имеет то же самое значение, что и сербское «јунак» в этой песне ³⁾. Это свидетельствует о том, что Пушкин при переводе сербской народной песни использовал свое глубокое знание народной поэзии. Он часто не пользовался при своих переводах литературным языком, а старался приблизиться к народному языку. Слово «туга» Пушкин передал не совсем точно выражением «забота». Хотя значение обоих слов довольно близко, но сербскому «туга» скорее отвечало бы русское «печаль» или «кручина». ⁴⁾ Первые два стиха сербской песни Пушкин перевел шестистишием так свободно, что между его переводом и подлинником сходства довольно мало.

О дальнейших двух стихах было сказано выше. Отметим только, что Пушкин в некоторой степени упростил растянутые обороты сербского подлинника.

6-ой стих «Што мој вранац коњиц пода мном не игра» Пушкин передал довольно точно, хотя и стремился к более краткому изложению: «Воронъ конь мой притомился».

Третья печаль в сербской песне «Што се моја драга на ме расрдила» у Пушкина немного изменена: «Красну девицу со мною разлучили злые люди». Таким образом Пушкин пошел немного дальше сербской народной песни: здесь милая только рассердилась, у Пушкина — красную девицу разлучили злые люди с молодцем. Это находится повидимому в связи с выше упомянутым изменением: «рано молодца женили» и этим разлучили его со своей

¹⁾ F. Miklosich, *Etymologisches Wörterb. der slav. Spr.*, 1886, стр. 106.

²⁾ Talvj, *Volkslieder der Serben*. I. 1825, Halle, стр. 61.

³⁾ Даль, *Толк. словарь*. Т. II (1912), 889.

⁴⁾ Даль, *ibidem*, Т. I, 522—523. Кручина часто встречается в русской народной песне.

«драгой», которая у Пушкина в духе русской народной песни называется «красной девице».

Стих 9-ый Пушкин перевел дословно, повторяя только ради размера слово «поле».

Следующий, 10-ый стих, где описывается ширина и длина могилы, Пушкин пропустил. Повидимому он казался ему мало поэтичным и скорее годящимся для эпоса, чем для лирической песни. Кроме того, этот стих, часто встречающийся в сербской народной песне, не отвечает духу русской народной песни, в которой подобные стихи не имеются.

Слово «ружа» в 11-ом стихе Пушкин перевел: «алы цветики цветочки», т. е. вполне в духе русской народной песни; «алый» является в русской народной песне вообще постоянным эпитетом цветов, также как для воды эпитет «ключевая», встречающийся в следующем стихе нашей песни.

Стих «Које младо прође, нек се ружом кити» Пушкин передал поэтичнее и ближе к народному выражению:

»Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки».

Последний стих сербской песни: «Које л'старо прође, нека жеђу гаси» Пушкин опять изменил:

»Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут».

(В черновике:

»Пройдет мимо божий старец,
Тот воды себе зачерпнет»).

При чтении перевода Пушкина мы не ощущаем, чтобы он стремился к дословному переводу сербской песни. Его перевод чувствуется не как перевод, а как оригинальное творчество, причем подыскиваемые им выражения («Красна девица», «алы цветики цветочки», «чиста вода ключевая» и др.) приближают его перевод к русской народной поэзии.

Эту же самую сербскую песню перевела между прочими также немецкая переводчица Тальви в своем сборнике »Volkslieder der Serben«, I. Lief., Halle, 1825. Этот сборник Пушкин имел в своей библиотеке, и это обстоятельство могло бы дать повод к мнению, что Пушкин при своем переводе этой песни пользовался немецким переводом Тальви, переводившей также из второго издания сборника Караджича. ¹⁾ Мы считаем поэтому необходимым

¹⁾ См. Т. I. стр. X.

подчеркнуть, что перевод Пушкина не имеет ничего общего с переводом Тальви. При сравнении обоих переводов сразу обнаруживается их большое различие. Тальви усердно старается как можно более дословно перевести сербскую песню и иногда довольно удачно слагает шестистопные стихи, но они лишены того поэтического вдохновения, каким дышат стихи Пушкина. Так, например, Пушкин, как выше указано, выбросил стих, в котором описывается могила, между тем как Тальви строго придерживается подлинника:

Grabt, ach, grabt ein Grab mir
Auf dem weiten Felde!
Breit sey's zween Lanzen!
Lang sey es vier Lanzen!

III.

Сестра и братья.

Перейдем теперь к переводу второй сербской песни «Сестра и братья» и сравним его с подлинником в сборнике Караджича, напечатанным под заглавием «Бог ником дужан не остаје». Как видим, также и здесь Пушкин заменил заглавие сербской песни другим, при чем более удачно, чем в третьей песне. В сербском заглавии выражен взгляд простого народа, что Бог наказывает всякого за его преступления, уже на этом свете, взгляд, являющийся главным мотивом этой песни. Пушкин предпочел более вольное заглавие или потому, что его духу не отвечало церковно-религиозное наставление, бьющее в глаза в сербском заглавии песни, или потому, что он хотел ее освободить от тесных рамок. Некоторые исследователи ¹⁾ полагают, что это свое заглавие Пушкин заимствовал из другой песни, напечатанной в сборнике Караджича непосредственно перед рассматриваемой нами песней. Это объяснение однако кажется нам маловероятным и необоснованным. Скорее следует думать, что Пушкин изменил заглавие под влиянием содержания песни, в которой главными действующими лицами являются сестра и ее братья. Эта песня принадлежит к самым ценным в художественном отношении песням сербской народной поэзии и поэтому неудивительно, что Пушкин именно ее избрал для своего перевода. Повидимому, это поэтическое совершенство песни было причиной того, что он более придерживался подлинника, чем это было при переводе предыдущей песни. Он сохранил в общем и размер подлинника с незначительными от-

¹⁾ Наприм. А. Яцимирский, *op. cit.* стр. 395.

ступлениями. Укажем на заметные различия между переводом и подлинником.

»Два бора«, любимые деревья сербских народных песен, Пушкин заменил выражением »два дубочка« в 1-ом стихе, »два дуба« в 3-ем, т. е. сербский »бор« заменил »дубом«, деревом, часто встречающимся в русской народной поэзии. 4-ый стих подлинника Пушкин пропустил. В этом случае он мог это сделать потому, что из последующих стихов (7) видно, что »танковрѣ јаела« — это — Елица.

В 8-ом стихе оборот »врло миловала« Пушкин перевел более поэтично: »любили всем сердцем«.

Стих 9-ый »Сваку су јој милост доносила« Пушкин перевел под влиянием подлинника »всякую ей оказывали милость«. Стих на сербском языке обозначает, что братья приносили сестре подарки (Liebesgaben). В русском языке оборот »оказывать милость« чаще всего употребляется по отношению к преступникам в значении оказывать прощение или снисхождение, а потом только в значении »сделать кому-нибудь что-нибудь приятное, хорошее, оказать почет«. Что Пушкин перевел этот стих таким образом не потому, что не понимал значения оборота »милост доносити«, видно из того, что, во-первых, в следующий стих включил глагол »подарить« — »напоследок ей нож подарили« (в подлиннике »ноже оковане«), а, во-вторых, в стихах 24. и 29. оборот »милост доносити« перевел »дарить подарки«. Тот же самый оборот повторяется, как увидим ниже, еще два раза.

Стихи 11—12

»Кад то вид'ла млада Павловица,
Завидила својој заовици«.

Пушкин перевел красиво и вольно:

»Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно«

и таким образом избежал мало поэтичных, часто повторяющихся оборотов сербской народной поэзии: »Кад то чуо«, »кад то вид-ла«, »кад га удре«, и др.

В 14-ом стихе Пушкин сохранил под влиянием сербского подлинника выражение »люба Радулова«, что по сербски обозначает »жена Радула«¹⁾, между тем как в русском языке »люба«

¹⁾ См. Караџић: Српски рјечник. 1852. стр. 338. Љуба, die Gattin, сопјух.

в значении «жена», «супруга» не употребляется. Так же поступил Пушкин и в следующем, 15-ом стихе, где он сохранил сербский оборот «по Богу сестрица», до некоторой степени мало обычный в русском языке.

Влияние подлинника сербской песни обнаруживается также в передаче стиха «да ообразим брата и сестрицу» — «чтоб сестра омерзела братьям». По-сербски «ообразити» значит «рассорить» (*verfeinden, entzweien*)¹⁾, по-русски «омерзеть» — сделаться противным. Фонетическая близость обоих выражений была поводом для Пушкина к употреблению слова «омерзеть».

Стихи 24—25

»Кад то зачу млада Павловица
Она оде коња на ливаду»,

Пушкин соединил в один стих:

»Вот пошла Павлиха к водопою»

Пушкин опять старался избежать приемов изложения сербской народной песни, т. е. растянутости, характерной для эпической поэзии, и весь 24-ый стих выразил коротким «вот», при чем по существу не отклонился от подлинника и не испортил его. Интересно, что Пушкин заменил сербскую «ливаду» — «водопоем». Очевидно, под влиянием соображения, что на пастбище бывают колодези, где поят лошадей. При водопое Павлиха могла скорее найти коня и привести в исполнение свой умысел.

Стих 27-ой «Па говори (Павловица) своме господару» Пушкин сохранил — «И сказала своему господину». Словом «господар» выражено отношение сербской жены к своему мужу. Странно, что Пушкин здесь придерживался подлинника, так как в русском языке является необычным, чтобы о муже говорилось, как о господине жены.

Стих 28-ой — «На зло Павле сеју миловао» Пушкин перевел — «Сам себе на зло сестру ты любишь». По-русски «на зло» обыкновенно обозначает «умышленно». Ближе к сербскому подлиннику было бы «на горе». Очевидно Пушкин употребил выражение «на зло», всецело отвечающее значению сербского «на зло», под влиянием сербского подлинника.

Оборот «убола је коња» (ст. 26) в одном случае Пушкин перевел «зарезала коня», в другом случае (ст. 30) «извела коня», очевидно, чтобы избежать повторения.

¹⁾ См. Караџић: Српски рјечник. 1852. стр. 459.

Стих 33-ий — «Сестрица се брату кунијаше» Пушкин изменил — «Сестра брату с плачем отвечает», а слово «клясться» употребил в следующем стихе, где его в сербском подлиннике нет.

В русских народных песнях и в русском языке вообще эпитетами сокола являются «серый» или чаще «ясный». Пушкин употребляет оборот сербской песни «сивый сокол» (ст. 36).

Стихи 54—56

»Кад у јутру јутро освануло,
Она трчи своме господару,
Кукајући и лице грдећи«

Пушкин удачно соединил в два стиха:

»Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.«

Эпический стих — «кад у јутру јутро освануло» Пушкин передал коротко: «рано утром», не отклоняясь от смысла подлинника. Поступил так же, как и несколько раньше (ст. 51), где он сербский стих «Она оде вече по вечери» (— она идет вечером после ужина) перевел «по вечеру поздно». При этом из его перевода «по вечери» — «по вечеру» можно заключить, что он понял сербское слово «вечера» (женск. рода — ужин), как «вечер» (мужск. рода — вечер). Выражение «господар» передал здесь Пушкин словом «муж», а не словом «господин», как раньше. Это не случайно. Здесь говорится о ребенке и поэтому Павлиха обращается к своему мужу, как к отцу ребенка, а не как к своему господину. Таким образом мы видим, что Пушкин не побоялся менять одно и то же выражение подлинника, когда ему это казалось более подходящим для более верной передачи смысла сербской песни.

Также в ст. 59-ом «заклала *ти* чедо у колевци» имеются у Пушкина отступления от подлинника: «заколола она у нас ребенка». Где лежит ребенок, теперь не имеет значения, главное то, что ребенок принадлежит *им*. Таким образом Пушкин усилил напряженность действия.

Ст. 61-ый «Извади јој ноже од појаса» Пушкин перевел:

»Осмотри ты нож ее злаченый«.

Ему, повидимому, казалось необычным, чтобы женщина носила нож за поясом, в то время как для сербской песни это вполне естественно, так как сербы всегда носили ножи за поясом.

Ст. 62-ой: «Скочи Павле канда се помами» Пушкин изменил: «Вскочил Павел, как услышал это». Странно, что Пушкин не сле-

давал здесь народной песне и не перевел точно оборота подлинника «канда се помами (— как бы сошел с ума), которым песня выразила силу впечатления, произведенного на Павла сообщением об убийстве его ребенка его любимой сестрой.

Стихи 66—67

»Павле узе злаћене ножеве,
Па и вади из сребрни кора«

Пушкин соединил в один «Из ножен вынул его Павел». Опять пример краткости выражения, характерной черты Пушкина.

»Поље широко« (ст. 79) Пушкин передал словами «чистое поле», т. е. обычным выражением русской народной поэзии. В сербской песне говорится, что там, куда упала капля крови Елицы, «расте смиље и босиље (ст. 88). Пушкин перевел, как и в предыдущей песне «Соловей», эти в сербской народной песне часто встречающиеся цветы оборотом, обычным в русской народной поэзии: «алые цветочки».

Ст. 95—96:

У трави се љуте змије легу
Очи пију, у траву се крију«.

Пушкин перевел:

»В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи«

»Луте змије се легу« Пушкин перевел «лютый змей гнездится»; очевидно, он думал, что «се легу» обозначает — «лежать» или «ложиться», вм. «рождаться». Следует отметить, что в ст. 96-ом Пушкин сохранил леонинскую рифму сербской песни; это, повидимому, и было причиной того, что он в отношении содержания отклонился от подлинника.

Ст. 101-ый «Не би ли ме црква опростила» (т. е. простила Павлихе ее грех) Пушкин перевел: «У той церкви авось исцелюся». Павел не знал о преступлении своей жены, а также ему не было известно, почему Бог наказал ее. Павлиха не хотела ему этого сказать. В народной песне употреблено неправильно выражение «опростити», так как Павлиха могла бы таким образом выдать себя. Муж потребовал бы объяснения, и она принуждена была бы открыть свое преступление. Пушкин повидимому заметил эту нелогичность народной песни и поэтому заменил выражение «опростити», т. е. «простить», словом «исцелить».

В стихе 103-ем «Поведе је заовиној цркви» (т. е. Павел жену) Пушкин заменил выражение «заовиној» словом «сестриной» впол-

не правильно, так как Елица является сестрой Павла. В ст. 100 это выражение было правильно употреблено — «води мене заовиној цркви», так как там говорила Павлиха, которой Елица приходилась «золовкой». Под влиянием этого стиха и было употреблено то же самое выражение в ст. 103; народная песня любит повторять одни и те же стихи и выражения.

Ст. 114-ый — «Нек ме живу коњи растргају» Пушкин пропустил.

»Чедо« (ст. 74) Пушкин перевел в первый раз, когда еще не было известно, мальчик ли или девочка, словом «ребенок», в ст. 125, где сербская песня говорит «мушко чедо», он употребил выражение «маленький мальчик».

Небезынтересно сравнить и этот перевод Пушкина с переводом той же песни Тальви (Volkslieder, кн. II., Die Schwägerinnen ¹⁾), которая и здесь придерживалась очень строго сербского текста и не проявила особенного поэтического дарования. Для характеристики приведем несколько мест из переводов Пушкина и Тальви.

Стих «Кад у јутру јутро освануло» Тальви переводит: «Aber als der Morgen Morgens anbrach», Пушкин же передает коротко: «Рано утром».

Ст.

»Бе је од ње капља крви пала,
Онђе расте смиље и босиље;
Бе је она сама собом пала,
Онђе се је црква саградила».

Тальви:

„Wo ein Tropfen fiel von ihrem Blute,
Da ersprossen Smiljen und Basiljen,
Aber wo sie selber fiel, die Todte,
Da erstand urplötzlich eine Kirche.“

Пушкин:

»Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки,
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась».

Как мы видели, Пушкин пропускал стихи такого рода, как: «Кад то зачу млада Павловица», «кад то виће млада Павловица», «кад то зачу Павле господару» и т. п., так как чувствовал, что эти повторения ослабляют художественное действие на читателей. Тальви же переводила дословно и строго придерживалась

¹⁾ Интересно отметить, что и Тальви подобно Пушкину не сохранила заглавия подлинника.

оригинала, так что и внешне ее перевод длиннее перевода Пушкина (128 стихов против 119).

Что Пушкин перевел и эту песню так удачно, помогло ему его глубокое знание русской народной поэзии. Также и здесь он пользуется где только может оборотами русской народной поэзии (два дубочка — два бора, чистое поле, алые цветочки и т. п.). Но при этом он всегда обращал внимание на то, чтобы от этого не пострадал оригинал. Где только он чувствовал красоту оборотов подлинника, он предпочитал сохранить их и в своем переводе, хотя они и не всегда отвечали духу русского языка.

IV.

»Что белеет на горе зеленой«.

До сих пор было распространено мнение (Анненков ¹⁾, Кулаковский ²⁾, Яцимирский ³⁾, Шляпкин ⁴⁾, Цявловский ⁵⁾, Кравцов⁶⁾ и др.), что Пушкин перевел эту песню из сборника Караджича »Мала простонародња славено сербска песнарица« (1814 г.). Между тем это мнение неправильно, как это станет видно из дальнейшего нашего обоснования. Мы постараемся показать, что Пушкин перевел эту песню из »Voyage en Dalmatie« Фортиса (Т. I., Verne, 1778), где имеется подлинный текст этой песни с французским переводом. Это наше утверждение подтверждается между прочим и тем, что у Пушкина было вышеупомянутое французское издание путешествия Фортиса, и что он им пользовался, как это видно из бумажных вкладок между страницами находившегося в его библиотеке экземпляра.⁷⁾ Сборника Караджича 1814 г. у Пушкина не было, у него имелось только второе издание этого сборника, в котором эта песня отсутствует. Кроме как этим, так сказать, внешним обстоятельством, наше утверждение поддерживается также некоторыми местами перевода Пушкина, согласующимися с хорватским и французским текстом у Фортиса, но ничуть не с текстом в сборнике Караджича. Пушкин пользовался как хорватским текстом песни, так и французским переводом, напечатан-

¹⁾ Op. cit., стр. 371.

²⁾ Op. cit., стр. 10.

³⁾ Op. cit. стр. 396.

⁴⁾ Op. cit., стр. 34. Шляпкин даже говорит, что на этот счет не может быть никакого сомнения.

⁵⁾ Путеводитель по Пушкину, 1931, стр. 275.

⁶⁾ Сербский эпос, 1933, стр. 188.

⁷⁾ Ср. Модзалевский, о. с., н-р 925.

ным у Фортиса рядом. Приведем некоторые из этих сходств и совпадений.

Ст. 2-ой «Снег ли то, али лебеди бели» звучал первоначально в черновике «снега ли то», впоследствии Пушкин зачеркнул «снега» и надписал «снег». 1) У Караджича ед. число — «ил е сниегъ», у Фортиса множ. число — «al-su snjezi», во франц. переводе «sont ce des neiges». Множественное число, употребленное под влиянием сербохорватского 2) и французского текстов, Пушкин заменил единственным числом, так как это более отвечало духу русского языка.

В ст. 7-ом «Он лежит в нем весь люто изранен» после слова «он» в черновике зачеркнуто «страдает лютою...», из чего видно, что Пушкин хотел продолжать «раною». У Караджича этот стих звучит: «Гди он лежи од лютые рана», у Фортиса же «On bolu-je u ranami gliutimi». Таким образом Пушкин держался первоначально Фортиса, но потом изменил первую редакцию стиха.

В ст. 6-ом «А шатер Аги Асан-Аги» Пушкин пишет подобно Фортису Ага с большой буквы, а не с малой, как Караджич.

Также в ст. 8-ом мы находим сходство между Пушкиным и Фортисом. У Фортиса этот стих гласит: «Oblaziga mater, i sestriza», у Пушкина — «Посетили его сестра и мать». Караджич изменил «mater» в «мати». В черновике Пушкин написал первоначально «мать», т. е. форму, более обычную в русском языке, но затем зачеркнул это и надписал «мать», т. е. так, как у Фортиса, что впрочем и более годилось ему по метрическим соображениям. Наиболее веским доказательством того, что Пушкин переводил из Фортиса и что при переводе пользовался также и французским переводом, служит ст. 22-ой — «А приехал брат твой Пинтор». У Фортиса этот стих гласит: «daixa Pintorovich Вехе», у Караджича «уяк Пинторовић Беже». Более вероятно, что дети обращались к своей матери не со словами: «к нам идет твой брат», а со словами: «к нам идет дядя». Трудно допустить, чтобы Пушкин сам мог сделать такую погрешность. Что он ее сделал, объясняется единственно тем, что он был введен в заблуждение неправиль-

1) Ср. Шляпкин, о. с., 32.

2) Текст Асанагиницы напечатан был у Фортиса латинским шрифтом по хорватски и самая песнь возникла на хорватской территории. Но так как языки хорватский и сербский представляют собою два названия одного и того же языка, то мы будем употреблять название сербохорватский, как это между прочим делает и проф. Мурко (см. Goethův sbornik).

ным французским переводом этого стиха у Фортиса: «с'est ton frère le Beg Pintorovich». Пушкин не знал значения редко встречающегося слова «daïxa» — дядя и поэтому следовал французскому переводу.

Пушкин перевел, как известно, 26 первых стихов Асан Агиныцы. Его перевод, являющийся в сравнении с другими переводами этой песни, как увидим ниже, весьма удачным, не может однако считаться совершенным произведением. Это только опыт, набросок, которого он не отделал, как следует. Нам неизвестно, почему Пушкин не продолжал своего перевода, и какое обстоятельство ему было в этом помехой. Пушкин своего перевода сам и не напечатал. Первые тринадцать стихов были опубликованы П. В. Анненковым в «Материалах для биографии Пушкина» (СПБ, 1855). Значительно позже издал все 26 стихов перевода И. Шляпкин в книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», СПБ, 1903, стр. 32. При сравнении стихов, опубликованных Анненковым и Шляпкиным, мы наблюдаем некоторые, правда, незначительные различия. В конце 1-го стиха у Анненкова имеется вопросительный знак, которого нет у Шляпкина. В конце 2-го стиха у Анненкова двоеточие, у Шляпкина вопросительный знак. 3-ий стиху Анненкова гласит: «Быль бы снѣъ — он давнобъ растаялъ», у Шляпкина: «Быль бы снегъ — онъ бы растаялъ». В конце 4-го стиха у Анненкова двоеточие, у Шляпкина три точки.

7-ой стих у Анненкова: «Онъ лежитъ въ немъ весь израненъ», у Шляпкина «Онъ лежитъ въ немъ весь люто израненъ».

В 8-ом стихе читаем у Шляпкина: «матерь», вместо «мать» у Анненкова, в 9-ом у Шляпкина: «его любя не можетъ», у Анненкова: «его любя не пришла», в 11-ом у Шляпкина: «приказаль онъ своей вѣрной любѣ», у Анненкова: «приказаль онъ своей вѣрной женѣ», в 12-ом у Шляпкина: «не жди», у Анненкова: «ты не жди».

В 13-ом стихе Анненков поставил после слова «домъ» тире, а в конце стиха три точки, Шляпкин же поставил после слова «домъ» запятую, а в конце стиха точку.

Некоторые из этих чтений Анненкова встречаются в черновике Пушкина, но в нем они зачеркнуты и заменены иными выражениями. Происхождение других различий у Анненкова неизвестно, повидимому это его самовольныя изменения.

Анненков нашел изданные им стихи в наследии Пушкина, которое предоставила в его распоряжение Н. Н. Ланская, бывшая жена поэта, для нового издания сочинений Пушкина по до-

говору с Иваном В. Анненковым в 1851 г.¹⁾ П. В. Анненков не использовал однако всего наследия Пушкина, кое-что осталось неизданным и неиспользованным, так что в книге Шляпкина мы находим много нового и прежде неизвестного. Странно, однако, почему Анненков не опубликовал всех 26 стихов Пушкинского перевода сербохорватской песни, тем более, что все они находились, как свидетельствует Шляпкин, на одном и том же листе. Между тем Анненков на 380 стр. своей книги говорит: «Затем приводим отрывок Пушкина (17-ю сербскую песню), превосходно сохраняющий дух подлинника и заставляющий сожалеть невольно о том, что он не имеет продолжения».

Также и эту наиболее известную из сербохорватских народных песен Пушкин перевел на русский язык с большой легкостью; ему не нужно было мучиться и «потеть», как иным переводчикам (Востокову, Бродзинскому, Тальви и др. Уже раньше мы видели, как глубоко чувствовал Пушкин красоту и своеобразие сербохорватской народной песни.

»Labutove« (лебеди) подлинника (ст. 2) Пушкин снабдил эпигетом «белы». Ст. 9-ый: »A gliubovza od stida ne mogla« Пушкин перевел еще более поэтично: »Его любя не может, застыдилась«. Как и в предшествующей песне, Пушкин сохранил здесь выражение »Gliubovza« — любя в значении »жена«, хотя в этом смысле в русском языке слово »любя« не встречается. Поэтому повидимому и заменил Анненков выражение »любя« словом »жена«. Пушкин, конечно, знал значение сербохорватского слова »люба«, что явствует из ст. 14 (»мужнины речи«).

Стихи 14—15:

„Kad Kaduna rjeci razumjela,
Josc — je jedna u toi misli stala“

Пушкин перевел немного вольнее:

»Как услышала мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна«.

Интересно, что Пушкин сохранил турецкое слово »кадуна«, встречающееся только в сербохорватском подлиннике. Все остальные переводчики его не сохранили (у Востокова — »жена«, у Мериме — »la dame«, у Гете — »die Frau«, у Тальви — »die edle Frau«). Нет сомнения, что Пушкин переводил эту песню, как было уже раньше отмечено, с сербохорватского подлинника. Употреб-

¹⁾ См. Шляпкин, *op. cit.* V—VI.

ление Пушкиным слова «кадуна» является неопровержимым доказательством верности нашего утверждения. Это слово Пушкин снабдил примечанием: «кадуна по сербски супруга, дама, особенно о туркине».

Ст. 16-ый: »Јека stade kogna oko dvoga« звучит у Пушкина естественнее и драматичнее: »Она слышит — на дворе бьют кони«.

Также ст. 18-ый: »Da vrat lomi kule niz penxere« Пушкин перевел вольнее: »Хочет броситься бедная в окошко« повидимому под влиянием французского перевода: »en se jetant par les fenêtres«.

Немного строгое обращение Асан-агиницы к брату: »Da! moi brate...« (ст. 25) Пушкин выразил нежнее: »Братец милый...«

Если мы сравним перевод Пушкина этой песни с переводами других, то мы должны признать, что он переводил совершенно самостоятельно. Ему были повидимому известны переводы Востокова, Мериме и, вероятно, также и Тальви и Нодье, но он ими не пользовался. Мнения русских ученых относительно этого вопроса очень расходятся, но большинство из них пытается доказать зависимость Пушкинского перевода от переводов Востокова и Мериме. Так, например, Яцимирский обосновывает свое утверждение о зависимости Пушкинского перевода от Мериме сравнением двух мест. Пушкин сохранил выражение подлинника »goga« (гора). Яцимирский, следуя Анненкову, утверждает, что Пушкин употребил выражение »гора« под влиянием перевода Мериме: »sur ces collines verdoyantes«. »У dvoru bjelomu« Пушкин перевел: »в моем белом доме«. Яцимирский полагает, что Пушкин употребил этот оборот под влиянием переводов Мериме: »dans ma maison blanche« и Востокова: »в доме моем«.

Приведенные примеры не могут однако служить обоснованием высказанного утверждения. Уже раньше мы видели, что Пушкин часто и очень охотно сохраняет слова подлинника, тождественные с русским языком, иногда даже тогда, когда их смысл в русском языке не отвечает их значению в сербском языке. Здесь сохранил Пушкин слово »goga« подлинника потому, что его значение в русском языке тождественно и не обозначает только »der Wald« или »возвышенное место, покрытое лесом«, как это утверждает Анненков¹⁾. »Goga« может быть и совершенно голой, без всякого леса, и вполне естественно, что Пушкин здесь сохранил выражение подлинника. Менее обоснована замена этого слова в других переводах: »у рощи« у Востокова, »sur la

¹⁾ Ор. с. стр. 379.

plaine» у Нодье, »am Walde« у Гете. Также и второе замечание Яцимирского — относительно перевода «в моем белом доме» не выдерживает критики. Зачем объяснять здесь перевод Пушкина влиянием французского перевода, когда Пушкин перевел дословно подлинник, звучащий почти тождественно с русским переводом?

Коснувшись взглядов Яцимирского, считаем необходимым по этому случаю указать и на некоторые, довольно значительные неточности, встречающиеся в его исследовании, которое должно было представлять как бы итог всего того, что до тогдашнего времени было написано о «Песнях западных славян». При этом мы ограничимся только приведением одного места из его выше указанной работы. «И дело заключается не в красотах оригинала (Асан-агиницы) — говорит Яцимирский —, а в том, что подлинником для Пушкина служил не столько перевод Мериме, сколько перевод — сочинение такого чуткого артиста по части сербской эпики и лирики, каким был Вук Караджич, *который необыкновенно умело, артистично, тонко, не без проникновенности перевел с итальянского перевода на сербский язык, угадав и размеры, выражения и общий дух утраченного или же пока записанного сербского оригинала, которым воспользовался итальянский аббат-турист XV III века. Свой перевод Караджич внес в венское издание сербских песен 1814 года. («Мала престонародна Славяно-Сербска песмарица», стр. 163), нисколько не скрыв источника, и перепечатал ее в издании 1824 года с оговоркой — надеждой когда-нибудь услышать подлинник от краинца или далматинца (Предисловие, стр. XVI)».*

Приведенное место свидетельствует о том, что Яцимирский вообще не знал «Viaggio in Dalmatia» Фортиса, ни в итальянском подлиннике, ни во французском и немецком переводах, а равно и второго издания сборника сербских народных песен Караджича 1823-4 года. Зачем было нужно Караджичу переводить Асан-агиницу с итальянского, когда параллельно с итальянским переводом у Фортиса был напечатан хорватский подлинник? Караджич взял хорватский подлинник от Фортиса, перепечатал его кириллицей и внес только некоторые изменения¹⁾. Выше приведенное мнение Яцимирский мог высказать только потому, что не знал, что у Фортиса Асан-агиница напечатана и в хорватском подлин-

¹⁾ Миклошич утверждает (Über Goethes Klaggesang, стр. 8), что Караджич текст Фортиса «сербизировал» (serbisiert), т. е. последовательно употребил формы южного иекавского наречия и провел некоторые морфологические и лексические изменения.

нике и в итальянском переводе. Впрочем, как известно, Караджич и не знал итальянского языка настолько, чтобы мог переводить с итальянского на хорватский. В виду сказанного поражают замечания Яцимирского о «необыкновенно умелом, артистичном, тонком» переводе Караджича с итальянского ¹⁾).

Яцимирскому повидимому не был известен и сборник Караджича 1814 г., так как, желая указать точное заглавие сборника, он называет его: «Мала просто-народна Славяно-Сербска песнарица», между тем как точное заглавие книги звучит: «Мала просто-народња Славено-сербска Песнарица». Кроме того, песня «Асан агиница» не находится на стр. 163 этого сборника, как указывает Яцимирский, а на стр. 113—116. Повидимому Яцимирский списал это заглавие у Востокова, который приводит его также неточно. Что Яцимирский не знал сборника Караджича 1824 г., видно из того, что в этом издании «Асан-агиница» совсем не имеется. Если бы Яцимирский этот сборник видел, то не мог бы утверждать, что в нем находится «Асан-агиница». ²⁾

*

На основании нашего разбора рассмотренных нами трех переводов Пушкина мы должны охарактеризовать и оценить Пушкина, как переводчика сербохорватских народных песен, следующим образом:

Из переводов Пушкина видно, что они написаны поэтом с глубоким художественным чувством, тонким чутьем и пониманием вообще народной поэзии. Лучшие места народных песен, в которых проявляется своеобразная красота народной души, хотя иногда и не вполне выраженная вследствие недостаточного умения составителей народной песни, приобрели у Пушкина еще большую красоту. Такие места—как бы не вполне расцветшие цветы. Слишком малой творческой силой обладал народный поэт, чтобы довести их до полного расцвета. И только благо-

¹⁾ В III. т. госуд. изд. народных песен Караджича (1894 г.) на стр. 513 напечатаны слова Караджича: «Из путовања Фортисова ја сам је (Асанагиницу) 1814 године преписао нашијем (сербским-кирилским, пом. аут.) словима и онда овдје наштампао... послје је више за то нијесам штампало, што сам све очекивао, не ћу ли је у народу гдје од кога чути». Как известно, Вук Караджич напечатал эту песню опять в 3. изд. народных песен 1846 г.

²⁾ Ошибки Яцимирского повторяются и у других исследователей Пушкина. Так, например, М. Цявловский в своей статье «Песни западных славян» (А. С. Пушкин, Т. VI. Путеводитель по Пушкину. Москва 1931, стр. 274—275) говорит о Асан-агинице: «На сербский язык песню перевел Вук-Караджич, включивши ее в свое собрание».

даря гению Пушкина мы получили возможность почувствовать вполне их красоту.

Пушкин обнаружил необыкновенно тонкое чутье в отношении родственного славянского языка. Красивые места сербохорватской народной песни часто теряют в переводе на иностранный язык свою красочность. Лучше всего мы это видели на переводах Тальви. Пушкин всегда умел понять смысл сербо-хорватских слов, смысл того, что народный поэт хотел высказать. Правда, также и в его переводе встречаются слова, не вполне отвечающие подлиннику, но нельзя утверждать, что они были бы во вред произведениям народной поэзии. Есть только одно исключение в переводе отрывка «песни о Асан-агинице» (вм. отец — муж твоей, вм. дядя — брат твой). Но мы должны подчеркнуть, что «Асан-агиница» не может считаться совершенным и законченным произведением, это только набросок. Поэтому мы и не можем оценивать перевод этого отрывка тем же способом, как и переводы первых двух песен, законченных и опубликованных Пушкиным. Пушкин в большинстве случаев сохранял размер сербских песен, но не подчинялся ему рабски. Он изменял его в тех случаях, когда сохранение размера подлинника оказывалось мало способствующим проявлению художественной красоты песни.

При сравнении перевода Пушкина с переводами других переводчиков мы должны признать, что в художественном отношении его перевод принадлежит к лучшим из них. Другие переводчики подходили к сербским песням, как к «интересному» творчеству народа, обыкновенно смотрели на них глазами этнографа, а поэтому и стремились к возможно более точной и дословной передаче подлинника. Пушкин же, хотя он всегда имел в виду, что переводит народные песни, и несмотря на то, что его, как романтика, привлекал «*souvenir local*», смотрел все же на них в первую очередь, как на искусство, и при переводе обращал внимание прежде всего на художественную сторону и только во вторую очередь на этнографию.

Когда в 1779 г. немецкий гений Гете поместил свое подражание «*Klaggesang*..» в собрание своих сочинений, эта «морлацкая» баллада сделалась достоянием всемирной литературы¹⁾. Отрывок Пушкинского перевода этой песни, найденный между его бумагами, свидетельствует, что полный и законченный перевод рус-

¹⁾ Murko: *Domovina Asanaginice*. Goethûv sborník, 1932, str. 153.

ского гения — хотя и на 50 лет позднее — имел бы для познания сербской народной песни русским народом такое же значение.

Сохранившиеся 26 стихов перевода, незаконченного и неотделанного, возбуждают у нас сожаление, что обстоятельства помешали Пушкину закончить начатую работу, и позволяют нам высказать убеждение, что перевод русского-славянского гения затмил бы собою все остальные.

Др. О. Беркопец.

PAMĚTI A. S. PUŠKINA

SLAVIA

Časopis pro slovanskou filologii

S podporou ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník XIV. Sešit 3.

Tiskem a nákladem Československé grafické Unie a. s. v Praze

1937